

17.09.98
92

Известия. — 1998. — 17 сент. — с. 5

Потомок Фета и друг Толстых

Сергей ЖДАКАЕВ

...Вышел Николай Пузин из дому — половина девятого. Прошел мимо въездных башен Ясной Поляны — без четверти девять. Он время уважает. Он сам символ времени. В нем много его содержится.

В своей знаменитой книге мемуаров «Люди, годы, жизнь» И.Эренбург назвал научного сотрудника музея Ясная Поляна Николая Пузина внучатым племянником Фета. Однако, по словам Николая Павловича, в смысле родства Эренбург немного ошибся.

— Моя крестная мать Ольга Васильевна Шеншина, в замужестве Галахова (последняя владелица усадьбы Спасское-Лутовиново) была дочерью Василия Афанасьевича Шеншина и внучкой Афанасия Афанасьевича. Отсюда, видимо, и возникла ошибка.

Что касается моей прабабушки, она действительно из рода Шеншиных, но в каком родстве с Афанасием Афанасьевичем Фетом, не знаю. Знаю только, что они с мужем погребены в общем некрополе Шеншиных в Клейменове. Фет — под новой церковью, а мой предки — под старой. Все не доходят руки заняться их генеалогией.

Мы пьем чай с молоком, собственноручно заваренный Пузиным, в окружении портретов дорогих для него людей: Лев Николаевич Толстой, Фет, внук Денис, Софья Андреевна Толстая-Есенина...

— Перед вами — презрен-

ный осколок старинного дворянского рода, — шутит Николай Павлович, демонстрируя превосходное старомосковское произношение. — Моя мать Марья Алексеевна происходит из рода Кологривовых. Отец, Павел Александрович Пузин, был ремонтёром — занимался поставкой лошадей в действующую армию, поскольку имел в Орле конный завод.

Учился я сначала дома, потом в Харькове, на высших библиографических курсах. До войны служил в Харьковской картинной галерее, а по совестительству — в научной библиотеке им. Короленко.

В сорок первом меня мобилизовали и направили в эвакуацию в госпиталь №3355 города Красноярска. А в сорок четвертом Софья Андреевна Толстая-Есенина (она была тогда директором всех толстовских музеев) вызвала меня в Ясную Поляну восстанавливать музей. С тех пор я здесь.

87-летний Пузин проработал в Ясной Поляне 55 лет, пережил двадцать музейных директоров и составил родословную росписи Толстых, в которой сегодня больше двухсот имен.

Эта работа началась в 1947 году и продолжается по сей день. Пузин проследил судьбу всех потомков Толстого, живущих в Швеции, Италии, Франции, США, Чехославии и многих других странах.

— Благодаря этой работе Пузин стал для Толстых своим, семейным человеком, — рассказывает нынешний директор музея Владимир Ильич

Толстой, который значится в пузинской росписи под номером 112. — Помню, как в детстве я через эту роспись отыскал во Франции и Швеции своих ровесников Толстых. Как радостно было потом встретиться с ними! По существу, Пузин стал связующей ниточкой между всеми Толстыми, которые до него мало что знали друг о друге.

«Я люблю быть точным, — говорит Николай Павлович. — В свое время меня даже назвали гробокопателем». Возможно, такая характеристика появилась благодаря особому интересу Пузина к семейному некрополю Толстых, который был до него белым пятном в толстовской теме.

Около тридцати лет назад Николай Павлович оставил должность хранителя музея, однако до сих пор сотрудники находят среди вещей его записки типа: «Со слов С.А.Толстой-Есениной, эту манишку любила надевать Софья Андреевна на Троицын день».

Кроме феноменальной памяти, Пузин наделен артистическим талантом. Хранитель музея Т.Комарова вспоминает, как однажды после экскурсии (она обычно завершалась рассказом о погребении Толстого) к Пузину подошла пожилая экскурсанта и спросила: «Николай Павлович, а вы тоже были на похоронах Толстого?»

Лет десять назад Российским телевидением был снят двухсерийный фильм о приезде в Ясную внучки Толстого Татьяны Михайловны Альбертини, которая живет в Италии.

Николай Павлович Пузин в своем кабинете.

При всей композиционной незамысловатости (Пузин водит толстовскую внучку и двух ее дочерей по родовому дому и рассказывает) фильм смотрелся на одном дыхании и вызвал массу откликов. Печально, что Пузин не замечен нашим телевидением. Его устные рассказы нисколько не уступают рассказам Ираклия Андроникова, с которым, он, кстати, дружил.

Есть легенда, как однажды

Пузин вел по дому жену первого секретаря обкома, которая в середине экскурсии капризно заметила: «Николай Павлович, ну покажите же то, что вы не всем показываете!» И Пузин будто бы запустил руку под кровать (дело было в спальне Толстого) и торжественно поставил на стол ночной горшок: «Этого мы никому не показываем!».

За несколько десятилетий

Пузин ни разу не опоздал на работу. Как граждане Кёнигсберга когда-то сверяли свои часы по Иммануилу Канту, так яснополянцы определяют время по Николаю Павловичу. Пузин выходит из дома, значит — половина девятого. Поравнялся с въездными башнями усадьбы — без четверти девять. В XIX веке люди время уважали...

Тульская область.

Толстой Л.Н.
(мифы)